

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-4-613-627

EDN: OBKVRP

Научная статья

Особенности формирования сверхтекстового слоя в творчестве О.Э. Мандельштама

И.И. Чумак-Жунь^{1, 2} , И.П. Зайцева³

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Российская Федерация

²Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*

³Витебский государственный университета имени П.М. Машерова, *Витебск, Республика Беларусь*
 chumak@bsuedu.ru

Аннотация. Актуальность темы подтверждается современными тенденциями изучения поэтического текста как специфического речемыслительного образования, ориентированного на эстетизацию образов отражаемого мира и обладающего выраженными коммуникативной и прагматической составляющими. Цель исследования — определение особенностей формирования сверхтекстового слоя в стихотворении О.Э. Мандельштама «Жил Александр Герцевич...». В качестве лингвистического инструментария используются методы контекстуального и интерпретативного анализа текста, а также приемы интертекстуального анализа. Поэтический текст рассматривается как когнитивно-синергетический феномен, возникающий в процессе взаимодействия всех дискурсивных и интердискурсивных факторов. Определено, что трансформация семантики знака в поэтическом шедевре непосредственно связана со сгущением смыслов, обусловленных взаимодействием различного рода образных средств и стилистических фигур в ограниченном текстовом пространстве. Сделан вывод о формировании сверхтекстового слоя мандельштамовского стихотворения благодаря разнообразным идиостильным проявлениям, таким как синтаксическая организация стихотворной ткани текста, представляющая пространство для проявления богатства ритмомелодики, музыкальности стиха и фоносемантической динамики. Подчеркнуто, что сверхтекст позволяет автору выразить свое внутреннее творческое состояние, передать динамику борьбы с самим собой, показать полемический поиск философских ориентиров для самооценки духовного состояния и своего места в творческом процессе, в поэтической картине мира. Перспектива исследования состоит в разработке теории сверхтекста в поэтическом дискурсе.

Ключевые слова: сверхтекст, метатекст, поэтический дискурс, поэтический текст, идиостиль, внутренняя форма поэтического текста, интертекст

Вклад авторов: Чумак-Жунь И.И. — разработка общей концепции статьи, написание текста, научное консультирование; Зайцева И.П. — анализ литературы, сбор данных, подбор материала для исследования, написание текста.

© Чумак-Жунь И.И., Зайцева И.П., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 04.12.2024; принята к печати 24.06.2024.

Для цитирования: Чумак-Жунь И.И., Зайцева И.П. Особенности формирования свертхтекстового слоя в творчестве О.Э. Мандельштама // Русистика. 2025. Т. 23. № 4. С. 613–627. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-4-613-627>

Введение

Актуальность работы, с одной стороны, обусловлена современными подходами к исследованию феноменологии поэзии, с другой — выросшим за последние полвека в русистике интересом к свертхтексту как способу объединения текстов и формированию особой модели взаимодействия *читатель* — *поэт*. В свою очередь, обращение к поэтическому дискурсу О.Э. Мандельштама определяется тем неугасающим интересом, который вызывает творчество поэта не только у современных российских читателей, но и у литературных критиков и ученых-филологов, несмотря на непрозрачность, несомненную сложность и глубину его поэтических текстов. И ключом к пониманию этого феномена служат как собственно вербальные средства, так и особый невербальный свертхтекстовый слой стихотворного произведения. Создается он в пространстве внутренней формы поэтического наименования и ощущается индивидуально и имманентно как поэтический свертхтекст.

Термин *свертхтекст* возник в рамках постструктуралистского подхода к пониманию текста как среды, основанного на общенаучных и общеполософских тенденциях современности, заложенных Хайдеггером (Heidegger, 1986) и интерпретированных Ж. Дерридой (Derrida, 1987) в соответствии с задачей выявления глубинных связей языка, культуры и социума (Landow, 1997: 117).

В российской филологической традиции, начиная со знаковой работы В.Н. Топорова «Петербург и „Петербургский текст русской литературы“» (Топоров, 2003), понятие *свертхтекст* интерпретируется как «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» (Меднис, 2003: 21). Термин, не закрепившись за определенной областью научного знания, активно используется в лингвистике, литературоведении, культурологии и трактуется как культурный феномен, имеющий внетекстовое ядро (доминанту, центр), объединяющее тексты, маркированные определенным образом (например, как мифологический субстрат), — при этом в роли ядра, в зависимости от концепции научной работы, описываются *референт*, *события*, *ситуация*, *лицо*, *стиль*, *модель мира*, *свертхидея*, *миф* и т.д. (ср. работы Н.А. Купиной и Г.В. Битенской (Купина, Битенская, 1994), А.Г. Лошакова (Лошаков, 2007), С.О. Курьянова (Курьянов и др., 2022) и др.). В целом современная российская теория свертхтекста зиждется на идеях «полилингвальности, поликодовости, мультимодальности, а также полиавторства» (Разумовская, 2024: 262), а дефиниции свертхтекста включают указания на сложность, многомерность, темпоральную и локальную ограниченность, содержатель-

ную и ситуативную объединенность, смысловую целостность, модальную установку и общность текстовых категорий (Купина, Битенская, 1994: 215).

Пересекаясь с понятием интрадискурсивной лингвокреативности (Киосе, 2023), интертекстуальности (Антонова, 2023), понятие *сверхтекст* активно используется и при описании поэтического дискурса, где оно рассматривается как ситуационное (Зырянов, 2015), локальное (Гриневич, 2021) и персональное (Селеменова, 2021; Курьянова, 2020).

Не отходя от идеи многомерного текстового единства, в понятие *сверхтекст* мы включили в первую очередь представление об антропогенности, которую несет авторский поэтический текст, соответственно, о том особом авторском импульсе, который может быть выявлен только при изучении пространства конкретного текста.

Мы опирались на современный когнитивно-дискурсивный подход к тексту как нелинейному образованию, обоснованный в работах Н.Ф. Алефиренко, который подразумевает осмысление диады текст-сверхтекст и фокус разделения дискурса и интердискурса (Алефиренко, 2011: 115), и на подход А. Крисмора, рассматривающего метадискурс в качестве фактора сверхтекстуальности (Crismore, 1989: 33–35). Пожалуй, в этой позиции мы приближаемся к идее В. Ванд Коппла, который пишет, что метадискурсивные элементы помогают читателю лучше понять идею автора (Vande Kopple, 1988) с той разницей, что в поэтическом тексте речь идет в первую очередь о силе воздействия на читателя. Еще раз подчеркнем, что эта антропогенность, т.е. авторское открытие текста, предполагает некий особый духовный импульс, который обуславливает возникновение сверхтекста как высшего слоя текста, имплицированного в виде метатекста. Научная новизна работы заключается в том, что сверхтекст определяется как главный, зачастую не требующий мотиваций, особый авторский метакомментарий, подразумевающий эстетическую суть, которая является основным «нервным окончанием» всей поэтической внутренней формы текста, что по итогу существенно расширяет исследовательский подход к поэтическому тексту с учетом всех сложных междисциплинарных связей, актуальных для современной науки о языке.

Поэтический текст рассматривается в его «экспрессивных и нестандартных моделях» (Bara Bruno, 2010: 28) и определяется нами как специфическое речемыслительное образование, ориентированное на эстетизацию образов отражаемого мира и обладающее выраженными «информационной и прагматической составляющей» (Smith, 2003: 14), как «когнитивно-синергетический феномен» (Алефиренко, 2011: 116), возникающий в процессе взаимодействия всех дискурсивных и интердискурсивных факторов.

Согласимся с мнением Х.Г. Гадамера, считавшего, что «подлинный смысл текста ... никогда не может быть исчерпан полностью, <...> приближение к нему — бесконечный процесс» (Гадамер, 1988: 334). Обращение к стихотворению О.Э. Мандельштама «Жил Александр Герцевич...» объясняется тем колоссальным ресурсом *поэтической диалогичности*, который несет этот

полифонический по своей сути и доступный для восприятия и нравственно-эстетического очищения реципиентам с самыми разными эстетическими вкусами и установками текст. Синергия поэтического творчества специфична, в первую очередь, индивидуализацией этого обращения к адресату вообще, переводом общего в индивидуальное, и поэтому этот истинно великий текст обращен одновременно и ко всем, и к каждому конкретному адресату (в то время как просто лирический текст фиксирует не-Я, так и не обретающее связи с авторским Я). Под внутренней формой поэтического текста мы понимаем «образ, который указывает на это содержание, соответствующий представлению (которое тоже имеет значение только как символ, намек на известную совокупность чувственных восприятий, или понятие)» (Потебня, 1989: 128), в стихотворном тексте образ мира представлен как «национально-культурное видение действительности, смысловое конструирование мира в соответствии с художественной «логикой» построения поэтического текста» (Чумак-Жунь, 2014: 33). Совершенно очевидно, что «смысловое конструирование мира» в этом стихотворном тексте и «весь поэтический семиозис не просто энергетичны, а рождены творческой синергией, а потому не антропоцентричны, а антропогенны» (Буров, Бурова, Фрикке, 2020: 62).

Предмет нашего изучения — несущий заряд идиостилевой полифоничности свертхтекстовый слой стихотворения О.Э. Мандельштама «Жил Александр Герцевич...». **Цель исследования** — определение особенностей формирования свертхтекста в названном произведении.

Методы и материалы

В качестве лингвистических инструментов при описании стихотворения О.Э. Мандельштама используются методы контекстуального и интерпретативного анализа, предполагающие исследование и интерпретацию семантических сдвигов и наложений в поэтическом контексте, которые ведут к диффузии поэтических смыслов, а также приемы интертекстуального анализа поэтического текста, позволяющие эксплицировать смыслы внутритекстового поэтического диалога.

Материалом исследования стало стихотворение О.Э. Мандельштама «Жил Александр Герцевич...»¹, при этом нами использован опыт междисциплинарного описания поэзии О.Э. Мандельштама с различных позиций: 1) выявления фактора лингвосинергии в пространстве поэтического текста (Алефиренко, Нуртазина, Шахпутова, 2021); 2) изучения когнитивно-дискурсивной основы механизма смысловых приращений в пространстве текста; 3) определения интердискурсивного потенциала поэтического текста (Чумак-Жунь, 2005).

¹ Мандельштам О.Э. Собрание сочинений : в 4 томах. М. : Арт-Бизнес-Центр, 1994. Т. 3. С. 47.

Результаты

Определены основные характеристики понятия *сверхтекст* по отношению к поэтическому тексту. Это особый авторский метакомментарий, эстетическая суть которого определяет внутреннюю форму текста.

Комплексный анализ стихотворения О.Э. Мандельштама «Жил Александр Герцевич...» позволил выявить механизмы, формирующие поэтический сверхтекст как не прямое следствие вербальной синергии, в связи с характером и спецификой внутренней формы поэтического текста. Они определяются разными факторами: музыкально-ритмической композиционной структурой текста, от которой зависит изменение риторического плана поэтического дискурса, синтаксической организацией формы текста, ритмомелодикой, музыкальностью стиха и фоносемантической динамикой. Все это оказывает воздействие на читателя на эстетическом уровне восприятия.

Доказано, что сверхтекстовый слой мандельштамовского текста формируется через синтаксис, создающий пространство для проявления богатства ритмомелодики, музыкальности стиха и фоносемантической динамики.

В результате исследования определены основные характеристики понятия *сверхтекст* по отношению к поэтическому тексту и выявлено, что для каждого поэта характерен свой субъективный, индивидуально ощущаемый и имманентный сверхтекст как своеобразный маркер его идиостиля.

Обсуждение

Главная мысль наших рассуждений заключается в том, что именно благодаря антропогенности поэтического текста в нем обнаруживается особый внутренний слой, связанный с открытием потенциально неограниченного числа индивидуальных «шлюзов доверия» и индивидуального очищения — катарсиса в душе каждой отдельной личности, воспринимающей авторский импульс в поэтическом тексте. Ярким примером служит поэзия великого русского художника слова XX в. О.Э. Мандельштама.

В мандельштамовском поэтическом тексте отчетливо ощутимо то, что мы называем *сверхтекстом* — тем высшим слоем текста, который обычно имплицитирован, поскольку связан с проявлением духовного начала поэтического дискурса. Заметим, что ничего общего со «слоеным пирогом» подобный подход к поэтическому тексту не имеет и сверхтекст характеризуется скорее глубинным характером проявления, нежели чисто внешним, лежащим «на поверхности». Для каждого поэта характерен свой субъективный, индивидуально ощущаемый и имманентный сверхтекст как своеобразный маркер его идиостиля.

Вряд ли появление сверхтекста связано с паравербальным окружением, которое участвует в создании текстового «фона», вносит коррективы в выражение косвенных деталей основного образа. В основе сверхтекста лежит синергетический авторский импульс как результат катарсиса; это некая *энергема, основанная на открытии в авторском ощущении мира «шлюзов»*

Откровения. Мы говорим в таком случае: поэт от Бога, а про его текст, что «стихи не пишутся — случаются» (А. Вознесенский)².

Антропогенность авторской синергии обладает особым защитным механизмом, оберегая все истинно человеческое от любого проявления лжи и насилия, рождаемых безнравственностью, бездуховностью, стяжательством, властолюбием, всем, что связано с идолопоклонством, и т.д. Сверхтекст хрупок, раним, «хрустален», но обладает колоссальной энергетикой. Сила его — в чистоте помыслов автора и в правде, которую несет текст. А.И. Солженицын так говорил об этом в нобелевской лекции: «Против многого в мире может выстоять ложь — но только не против искусства. А едва развеяна будет ложь — отвратительно откроется нагота насилия — и насилие дряхлое падет»³. Поэзия, в основе которой лежит музыка с ее ритмомелодикой, синтезируемой с гибкостью синтаксиса, несомненно, обладает такой энергетикой.

Часто поэт оказывается один на один со своей судьбой как индивидуальная личность, которая ищет свое спасение только в Творчестве и находит его, переместившись в одно из бесчисленных подпространств творческой виртуальной реальности. Так происходит с лирическим героем Мандельштама, запечатлевшим черты самого поэта, не вписывавшегося в официальный социальный и бытовой пейзаж советской России 1920–1930-х гг. Они оба вступают в столкновение с миром временщика — «кремлевского горца» и его временем — «веком-волкодавом». Автор пронзительного стихотворения «Жил Александр Герцевич...» выбирает необычную эстетическую форму протеста — поэтично-музыкальный жанр бесшабашного городского романса; и музыка стиха, в которой слышны отголоски шубертовской «Маргариты за прялкой», заглушаемой еврейской песенкой «*Идл мит а фидл*», именно с которой «не страшно умирать», доносит до нас звучание поэтической души поэта как основу синергии его несогласия с происходящим в мире: *Жил Александр Герцевич, Еврейский музыкант, — Он Шуберта наверхивал, Как чистый бриллиант. И всласть, с утра до вечера, Заученную вхруст, Одну сонату вечную Играл он наизусть... Что, Александр Герцевич, На улице темно? Брось, Александр Сердцевич, — Чего там? Все равно!*⁴

В современном мандельштамоведении принято считать, что герой этого текста скрипач Александр Герцевич, который выступает выразителем сокровенных мыслей и чувств автора, исполняет в переложении для скрипки одну из трех последних сонат Ф. Шуберта. Высказывается предположение, что в позднем творчестве безвременно ушедшего из жизни немецкого композитора его душа достигла высоты, с которой не страшно встречать смерть в тридцать один прожитый год (Черашняя, 2011: 63). Мандельштаму в 1931 г. — время создания текста стихотворения — было под сорок, он уже многое постиг, но был и полон творческих сил.

² Вознесенский А.А. Собрание сочинений : в 5 томах. М. : Вагриус, 2000. Т. 1. С. 297.

³ Солженицын А.И. Публицистика : в 3 томах. Т. 1 : Статьи и речи. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. С. 24–25.

⁴ Мандельштам О.Э. Собрание сочинений : в 4 томах. М. : Арт-Бизнес-Центр, 1994. Т. 3. С. 47.

Напомним: *скерцо, исполняемое Александром Герцевичем, он же — Скерцевич* в финале текста, в переводе с итальянского — буквально *шутка* (scherzo). Для этой музыкальной формы характерны живой, стремительный темп, перепады ритмики, создающие шутовское настроение переключки мотивов, звучащих голосами вступающих в разговор разных инструментов сопровождения соло, различные «сюрпризы» — детали, вызывающие неожиданные ассоциации, необычный ракурс интерпретации стандартных, привычных явлений. Все это отражено в семантической и языковой фактуре текста стихотворения «Жил Александр Герцевич...».

Мы ощущаем отчетливую пульсацию авторского сознания и присутствие самого автора, спешащего за убегающим от него под убыстряющийся ритм сонатного скерцо движением санок (пушкинская «телега жизни» XX в.?) в темном зимнем мире. В этом захватывающем сознание порыве мы чувствуем небольшие паузы-«передыхи» между секвентными звеньями-строфами, сменяющими одна другую. Принцип синтаксической музыкально-ритмической секвенции лежит в основе композиционной структуры текста. Модуляция происходит в начале третьего секвентного звена-строфы, со сменой голоса автора: рассказ от 3-го лица переходит в авторское обращение к герою от 1-го лица. Тем самым меняется риторический план поэтического дискурса, возникает его отчетливая тенденциозность, окрашенная в бесшабашную, «шапкозакидательную» удаль, чисто русскую в устах еврейского музыканта-стихотворца, а потому и общечеловеческую.

Композиционное движение общего ритмомелодического рисунка, раскручивающегося в виде «пружины» по нарастающей, задано первой строфой, которая, в соответствии с музыкальной формой скерцо — обычно она трехдольная — ближе к тонической метрике (по строчкам: 3 ударных «выброса» –2–3–2), повторяясь несимметричными рефренами в 3- и 6-й строфах.

Сверхтекстовый слой мандельштамовского текста формируется благодаря синтаксической организации стихотворной ткани текста, где создается пространство для проявления богатства ритмомелодики, музыкальности стиха и фоносемантической динамики, формируется и проявляет себя синергия внутренней формы мандельштамовской игры, в частности, с именами. Поэтическая языковая личность *свободна* в выборе направления движения своего импульса энергии навстречу Божественной энергии (Лосев, 1997: 56). Очищение от лишних «примесей», второстепенных деталей происходит естественным образом — *гармония поэтического текста раскрывается в его синтаксической сочетаемости и комбинаторике за счет «музыки поэзии»*: это ритмомелодика, модуляции, смена мажорных и минорных тональностей и возвращение к исходной, ярко выраженное солирование и диалогичность оркестровки, интонационные повторы, варьирование тембровой обертональности и другие моменты, отсутствующие, к примеру, в прозе. О музыкальности поэзии пишет В.Г. Сибирцева (Сибирцева, 1922). По А.Ф. Лосеву, «музыкальная форма есть временное выражение смыслового покоя. <...> В музыке подвижной покой создается при помощи принципа возвращения к исходному пункту. Это общий принцип ... Вернуться к исходному пункту — это значит,

говоря вообще, достигнуть намеченной цели» (Лосев, 1995: 211). Ю.М. Лотман пишет об аналогичной организации стихотворной структуры: «*Универсальным структурным принципом поэтического произведения является принцип возвращения. Он придает языку, построенному как художественный текст, не свойственную ему обычно пространственную протяженность...*» (Лотман, 1994: 89). Если рассматривать музыкальный аспект стиха, связанный с его ритмомелодикой интонирования и рождением «поэтической музыки стиха» при синтезе звучания и смысла, то ритмомелодика, определенным образом организуя синтаксис (Гачечиладзе, 1980: 215), участвует и в номинационно-синтаксическом семиозисе (Буров, Кулага, 2012: 173). В относительно замкнутом пространстве поэтического текста, основанном на постоянном возвращении автора к истокам смыслового энергетического импульса, поэтическое и музыкальное «начала» динамически уравновешены. Поэтическая музыка стиха метрически организует синтаксис, за счет средств ритмомелодической динамики ослабляя структурно-синтаксические грамматические связи его лексики и, напротив, усиливая эстетический, эмоционально-мелодический антропогенный динамизм синтаксических отрезков, образующих номинационные энергемы на эстетическом, не собственно коммуникативном уровне восприятия. Возникает номинация энергии чувства, подавляющей энергию логоса за счет энергии мелоса.

Мощнейший жизнеутверждающий свертхтекст в рассматриваемом тексте О.Э. Мандельштама — плод рискованной и отважной авторской игры с «веком-волкодавом», оптимистической «дразнилки» — вызова тем силам, которые стоят на пути Мастера, имеющего серьезные, подкрепленные историческим культурным опытом основания отстаивать свою творческую свободу. Об этом, по мнению исследователей, говорят очевидные интертекстуальные связи с лермонтовской «Молитвой», тютчевским «Так, в жизни есть мгновения...», «Затворницею» Я. Полонского, песенкой Присыпкина из «Клопа» В. Маяковского, стихотворением «Налей мне, друг, игристого» С. Парнок и др. (Видгоф, 2012). Светлые краски этого текста как жизнеутверждающий надтекст отчетливо противопоставлены мрачному подтексту (воронье на телах повешенных в балладе Ф. Вийона). Почти сто лет назад О.Э. Мандельштам в «Заметках о поэзии», говоря о «неслыханной силе» и «полноте жизни, полноводье образов и чувств» поэзии Пастернака, заметил, что в его тексте «синтаксис убежденного собеседника, который горячо что-то убежденно и взволнованно доказывает...»⁵. Именно через синтаксис, создающий пространство для проявления богатства ритмомелодики, музыкальности стиха и фоносемантической динамики, формируется свертхтекстовый слой мандельштамовского текста. Ярчайший пример — «варьируемое употребление отчества музыканта «Герцевич» или «Герцович» — от имени «Герц», ассоциирующимся с немецким “Herz” — «сердце». Звучание данной пары слов (Herz — сердце) господствует в символической звукописи текста: *Герцович, еврейский, наворачивал, вечера, затверженную, Сердцевич, заверчено, Скерцович*» (Видгоф, 2012: 314).

⁵ Мандельштам О.Э. Заметки о поэзии // Сочинения : в 2 томах. Т. II. Проза. М. : Художественная литература, 1990. С. 210.

Само движение-дыхание ритмомелодического употребления номинативных отрезков синтаксического пространства под «музыку-голУбу» формирует состояние жизнеутверждения.

Весь текст строится по принципу развернутого оксюморона, столкновения высокого и нарочито обыденного. Ритмика синтаксических построений, явно не соответствующих музыкальной сонатной форме («Он Шуберта навёрчивал, / Как чистый бриллиант»), насыщенных уличной лексикой, основана на мелодической модели лермонтовской «Молитвы» (*В минуту жизни трудную, // Теснится ль в сердце грусть, // Одну молитву чудную // Твержу я наизусть*), что не пародийно, а трагично. Здесь лоб в лоб сталкивается Творчество («музыка-голУба», звучащая на «итальяночке» — гармонике-тальянке) и Страх, который несет с собой «век-волкодав» (*вороньей шубою // На вешалке висеть* — скрытое сравнение как символ смерти — воронье, поедающее мертвечину у Ф. Вийона в «Балладе повешенных»). Шуба в данном контексте — знак избранности, нередко трагической, но избранности.

Сквозной ассоциативный ряд прецедентных имен собственных, построенных по этикетной модели «имя + отчество» с константой имени *Александр*, — ассоциация со знакомыми поэта (прототип врач Александр Герцович Беккерман, сосед по квартире старшего брата поэта — Александра Эмильевича) и этимологией — «защитник людей» и ассоциативной переменной в отчестве — *Герцович, Герцевич* (А.И. Герцен, нем. *das Herz* — *сердце*), *Сердцевич, Скерцевич* (ср.: Александр Сергеевич Пушкин). По мере развертывания синтаксического пространства текста поэтоним модифицируется: хрупкость его тепла очевидна на фоне все разрушающего мира, враждебного как человеческому сердцу, так и музыкальной ритмике скерцо. Специфика употребления прецедентных имен в поэтическом тексте состоит в том, что «для поэзии характерно сгущение смыслов, обусловленное необходимостью малыми языковыми средствами (в связи с малым объемом поэтического текста) передать важную для художника слова информацию, что приводит к сжатию образа до одной узнаваемой черты — к созданию поэтонима» (Чумак- Жуль, 2017: 5).

Индивидуально-художественное сознание любого великого художника слова представляется для русского человека тем нравственным мерилom, которое со временем обнажает истинные ценности и отсеивает антиценностные начала. Антропогенное легко может перерасти в антропоцентрическое как альтернативное эгоцентризму, бездуховности и равнодушию власти — форме насилия, когда авторское Еgo, выражающее протест, иногда даже бунт Личности, следует принципам синергии свободного поиска форм самовыражения. Об этом пишет Пушкин («Пророк», «Из Пиндемонти», «Памятник» и др.), об этом говорят Цветаева, Мандельштам, Пастернак, Тарковский, Бродский, Окуджава, Галич, Кушнер, Высоцкий и мн.др. Об этом писал и Мандельштам. Его текст подтверждает то, что свертхтекст позволяет автору поэтического текста выразить свое внутреннее творческое состояние, передать динамику борьбы с самим собой, показать полемический поиск философских ориентиров для самооценки духовного состояния и своего места в творческом процессе, в поэтической картине мира.

Заключение

Таким образом, то, что мы предложили считать сверхтекстовым слоем поэтического текста и что существует в душе поэта, проявляется во множестве текстовых деталей — от его композиционной организации до обыгрывания отдельных лексических единиц. Благодаря сверхтексту, ощущаемому индивидуально, реципиент находит то, что, может быть, поэт даже помимо желания вложил в пространство текста. Скорее всего, сверхтекст маркирован авторским идиостилем и позволяет нам отличать одного поэта от другого уже по его «манере письма», по «почерку». Думается, сверхтекст обладает очень важным качеством: он освобождает текст от навязывания автором собственного мнения — субъективной категорической метатекстовой характеристики. Авторское мнение — один из возможных подходов, не исключающих, а предполагающих плюрализм мнений по поводу того, что не подлежит отрицанию. Каждое новое мнение — открытие граней конструктивного зерна истины, лишённого даже намека на деструктивность как на однозначность восприятия текста. В нём объективно заложено то, что позволяет каждому увидеть правду именно в своём индивидуальном ракурсе и вступить в творческую полемику и дискуссию, если понадобится. Сверхтекст — как повод и как основа для открытого обмена мнениями. Можно предположить, что чем богаче и глубже сверхтекстовый слой текста, тем более богаты и разноплановы его интерпретации. Получается так, что индивидуальная когнитивно-дискурсивная деятельность в поэзии, благодаря которой формируется сверхтекст, свидетельствует об истинном таланте автора.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф.* Событийная лингвосинергетика имплицитности текста в лингвопоэтическом освещении // Вестник ТГГПУ. 2011. № 1 (23). С. 114–119. EDN: NYIVKX
- Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Шахпурова З.Х.* Автохтонная синергия русского художественного дискурса // Русистика. 2021. Т. 19. № 3. С. 253–270. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270> EDN: KWQKTM
- Антонова Е.Н.* Интертекстуальный характер поэтического филологического дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 1. С. 245–259. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-245-259> EDN: PNDZSW
- Буров А.А., Бурова Г.П., Фрикке Я.А.* Поэтическая картина мира: в поисках авторского надтекста // Язык. Текст. Дискурс. 2020. № 18. С. 158–171. EDN: CCHEFL
- Буров А.А., Кулага О.В.* Художественный текст и его метатекстовая составляющая в прозе В.В. Набокова // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2012. № 1. С. 169–178. EDN: OWIPPP
- Видгоф Л.М.* «Но люблю мою курву-Москву...». Осип Мандельштам: поэт и город. М. : Астрель, 2012. 704 с.
- Гадамер Х.Г.* Истина и метод: основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
- Гачечиладзе Г.Р.* Художественный перевод и литературные взаимосвязи. 2-е изд. М. : Советский писатель, 1980. 255 с.

- Гриневиц О.А. Царскосельский текст в русской поэзии: структура и динамика // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2021. № 1 (1). С. 77–90. <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-77-90> EDN: POSLW
- Зырянов О.В. «Река времен...» как сверткестовое образование в русской поэзии XIX–XX вв. // *Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем*. 2015. № 3. С. 87–100. EDN: VCVPAF
- Киосе М.И. Интрадискурсивная лингвокреативность: алгоритм измерения // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2023. Т. 20. № 4. С. 803–823. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.408> EDN: CWZHSL
- Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверткест и его разновидности // *Человек – Текст – Культура : коллективная монография*. Екатеринбург : ИРРО, 1994. С. 214–233.
- Курыянов С.О., Александрова И.В., Иванова Н.П., Курыянова В.В. Актуальные вопросы теории сверткеста: литературоведческий аспект. Ассоциативно-смысловой сверткест // *Litera*. 2022. № 11. С. 124–136. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.12.39384> EDN: ZSXJRO
- Курыянова В.В. Толстовский текст в творчестве А. Блока // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки*. 2020. Т. 6. № 3 (72). С. 147–164. <https://doi.org/10.37279/2413-1679-2020-6-3-147-164> EDN: XWYBQQ
- Лосев А.Ф. Тезисы об имени Божиим, направленные в 1923 г. о. П. Флоренскому // *Имя. Сочинения и переводы*. СПб. : Алетей, 1997. С. 56–62.
- Лосев А.Ф. Форма-Стиль-Выражение. М. : Мысль, 1995. 944 с.
- Лотман Ю.М. Лекции по структурной поэтике // *Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. М. : Гнозис, 1994. С. 10–263.
- Лошаков А.Г. Сверткест как словесно-концептуальный феномен : монография. Архангельск : Поморский университет, 2007. 344 с. EDN: VWOVSN
- Меднис Н.Е. Сверткесты в русской литературе. Новосибирск : НГПУ, 2003. 170 с. EDN: VXHJAT
- Потебня А.А. Мысль и язык // *Слово и миф*. М. : Правда, 1989. С. 17–200.
- Разумовская В.А. «Сверткест» как форма существования «сильного» художественного текста // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2024. Т. 15. № 1. С. 262–275. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275> EDN: FOGHCU
- Селеменова О.А. Мифонимикон Бунина-поэта: коннотативный аспект // *Русистика*. 2021. Т. 19. № 3. С. 285–297. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-285-297> EDN: RJQZVY
- Сибирцева В.Г. Музыкальность поэзии Клопштока // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022. Т. 19. № 4. С. 692–709. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.403> EDN: HIAHNS
- Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // *Петербургский текст русской литературы: Избранные труды*. СПб. : Искусство-СПб, 2003. С. 7–118.
- Черашняя Д.И. Лирика Осипа Мандельштама: проблема чтения и прочтения. Ижевск : Удмуртский университет, 2011. 288 с.
- Чумак-Жунь И.И. Интертекстуальность как ключ к интерпретации поэтического текста // *Язык. Текст. Дискурс*. 2005. № 3. С. 98–105. EDN: RUNEKZ
- Чумак-Жунь И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. М. : Директ-Медиа, 2014. 302 с.
- Чумак-Жунь И.И., Малышева М.С. Имя собственное как прецедентный феномен поэтического творчества И.А. Чернухина // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. № 21 (270). С. 5–13. EDN: YTTZTI

- Bara Bruno G. Cognitive pragmatics: the mental processes of communication. Cambridge : MIT Press, 2010. 308 p.
- Crismore A. Talking with readers: metadiscourse as rhetorical act. New York : Peter Lang. 1989. 282 p.
- Derrida J. Of spirit: Heidegger and the question. Paris : Galilée. 1987. 139 p.
- Heidegger M. Sein und Zeit. 16. Aufl. Tübingen : Niemeyer, 1986. 445 p.
- Landow G.P. Hypertextual Deirida, Poststructuralist Nelson. 1997. URL: <http://muse.jhu.edu/press/books/orderinfo.html> (дата обращения: 18.10.2024).
- Smith Carlota S. Modes of discourse: the local structure of text. Cambridge : University Press, 2003. 320 p.
- Vande Kopple W. J. Meadiscourse and the Recall of Modality Markers // Visible Language. 1988. Vol. 22. No. 2. P. 233–272.

Сведения об авторах:

Чумак-Жунь Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85; профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. *Сфера научных интересов*: текст, поэтический дискурс, прагмалингвистика. ORCID: 0000-0001-6790-1418. SPIN-код: 6428-2587. AuthorID: 603186. E-mail: chumak@bsuedu.ru

Зайцева Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых языков, Витебский государственный университета имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, 210038, Витебск, ул. Московский проспект, д. 33. *Сфера научных интересов*: исследование художественного дискурса, коммуникативная лингвистика и коммуникативная стилистика художественного текста, лингвокультурные проблемы перевода. ORCID: 0000-0002-4659-0929. SPIN-код: 5964-9507. AuthorID: 947884. E-mail: irinazaj91@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-4-613-627

EDN: OBKVRP

Research article

Features of the supertext layer formation in the texts by O.E. Mandelstam

Irina I. Chumak-Zhun^{1, 2} , Irina P. Zaitseva³

¹Belgorod National Research University, *Belgorod, Russian Federation*

²RUDN University, *Moscow, Russian Federation*

³Vitebsk State University named after P.M. Masherov, *Vitebsk, Republic of Belarus*

 chumak@bsuedu.ru

Abstract. The relevance of the topic is substantiated by the current trends in studying a poetic text as a specific speech-thinking formation focused on the aestheticization of the images of the reflected world and possessing pronounced communicative and pragmatic

components. The aim of the study is to determine the features of the formation of the supertext layer in O.E. Mandelstam's poem "Alexander Gertsevich Lived...". The authors use methods of contextual and interpretative text analysis and the method of intertextual analysis as linguistic tools. The study views a poetic text as a cognitive-synergetic phenomenon that emerges from the interaction of discursive and interdiscursive factors. It is determined that the transformation of the linguistic sign semantics in the poetic masterpiece is directly related to the thickening of meanings as a result of interaction of different figurative means and stylistic figures in a limited textual space. It is concluded that the supertextual layer of Mandelstam's poem is formed by various idiostylistic manifestations, such as the syntactic organization of the poetic text, which manifests the rich rhythm-melody, verse musicality and the phonosemantic dynamics. We emphasize that the supertext allows to express the poet's inner creative state, to convey the dynamics of struggle with himself, to show the polemical search for philosophical guidelines for self-assessment of his spiritual state and its meaning for the creative process. The prospect of research is the development of the theory of supertext in poetic discourse.

Keywords: metatext, poetic discourse, poetic text, idiostyle, inner form of the poetic text, intertext

Author's contribution: Chumak-Zhun I.I. — development of the general concept of the article, writing the text, scientific consulting; Zaitseva I.P. — literature review, data collection, selection of material for the study, writing the text.

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: received 04.12.2024; accepted 24.06.2025.

For citation: Chumak-Zhun, I. I., & Zaitseva, I. P. (2025). Features of the formation of a supertext layer in the works of O.E. Mandelstam. *Russian Language Studies*, 23(4), 613–627. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-4-613-627>

References

- Alefirenko, N. F. (2011). Event-trigger synergy of text implicitness in linguistic poetic coverage. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, (1), 114–119. (In Russ.).
- Alefirenko, N. F., Nurtazina, M. B., & Shakhputova, Z. Kh. (2021). Autochthonous synergy of Russian literary discourse. *Russian Language Studies*, 19(3), 253–270. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-253-270> EDN: KWQKTM
- Antonova, E. N. (2023). Intertextual character of poetic philological discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 245–259. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-245-259> EDN: PNDZSW
- Bara, Bruno G. (2010). *Cognitive pragmatics: the mental processes of communication*. Cambridge: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262014113.001.0001>
- Burov, A. A., Burova, G. P., & Frikke, Ya. A. (2020). Poetic picture of the world: in search of the author's supertext. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, (18), 158–171. (In Russ.).
- Burov, A. A., & Kulaga, O. V. (2012). Artistic text and its meta-textual component in V.V. Nabokov's prose. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, (1), 169–178. (In Russ.). EDN: OWIPPP
- Cherashnyaya, D. I. (2011). *Osip Mandelstam's lyrics: the problem of reading and reciting*. Izhevsk: Udmurt University. (In Russ.).
- Chumak-Zhun, I. I. (2005). Intertextuality as a key to the interpretation of a poetic text. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, (3), 98–105. (In Russ.). EDN: RUNEKZ
- Chumak-Zhun, I. I. (2014). *Poetic text in the Russian lyrical discourse of the late XVIII – early XXI centuries*. Moscow: Direct-Media Publ. (In Russ.).

- Chumak-Zhun, I. I., & Malysheva, M. S. (2017). Proper name as a precedent phenomenon of I.A. Chernukhin's poetic creativity. *Scientific Bulletins of BelSU. Series: Humanities*, (21), 5–13. (In Russ.). EDN: YTTZTI
- Crismore, A. (1989). *Talking with Readers: Metadiscourse as Rhetorical Act*. New York: Peter Lang.
- Derrida, J. (1987). *Of Spirit: Heidegger and the Question*. Paris: Galilée.
- Gachechiladze, G. R. (1980). *Artistic translation and literary interrelations*. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ. (In Russ.).
- Gadamer, X. G. (1988). *Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.).
- Grinevich, O. A. (2021). Tsarskoye selo text in Russian poetry: structure and dynamics. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, (1), 77–90. (In Russ.). <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-77-90> EDN: IIOSLW
- Heidegger, M. (1986). *Sein und Zeit*. 16. Aufl. Tübingen: Niemeyer. (In Germ.).
- Kiose, M. I. (2023). Intra-discursive linguistic creativity: Identification algorithm. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 20(4), 803–823. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2023.408> EDN: CWZHSL
- Kupina, N. A., & Bitenskaya, G. V. (1994). Supertext and its varieties. In *Person – text – culture* (pp. 214–233). Ekaterinburg: IRRO Publ. (In Russ.).
- Kur'yanov, S. O., Ivanova, N. P., & Kur'yanova, V. V. (2022). Topical issues of the theory of supertext: literary aspect. Associative-semantic supertext. *Litera*, (11), 124–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.12.39384> EDN: ZSXJRO
- Kur'yanova, V. V. (2020). Tolstovsky text in works by A. Blok. *Scientific Notes of V I Vernadsky Crimean Federal University Philological sciences*, 6(3), 147–164. (In Russ.). <http://doi.org/10.37279/2413-1679-2020-6-3-147-164> EDN: XWYBQQ
- Landow, G. P. (1997). *Hypertextual Deirida, Poststructuralist Nelson*.
- Losev, A. F. (1995). *Form-Style-Expression*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.).
- Losev, A. F. (1997). Theses on the name of God, sent in 1923 to O. P. Florensky. In *Name. Essays and translations* (pp. 56–62). Saint Petersburg: Aleteiya Publ. (In Russ.).
- Loshakov, A. G. (2007). *Supertext as a verbal-conceptual phenomenon*. Arkhangelsk: Pomor State University. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1994). Lectures on structural poetics. In *Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic school* (pp. 10–263). Moscow: Gnosis Publ. (In Russ.).
- Mednis, N. E. (2003). *Supertexts in Russian literature*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University Publ. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. (1989). Thought and language. In *The Word and the myth*. Moscow: Pravda Publ. (In Russ.).
- Razumovskaya, V. A. (2024). “Supertext” as a form of a “Strong” fiction text existence. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 262–275. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275> EDN: FOGHCU
- Selemeneva, O. A. (2021). I. A. Bunin's poetic mythonymicon: Connotative aspect. *Russian Language Studies*, 19(3), 285–297. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-285-297> EDN: RJQZVY
- Sibirtseva, V. G. (2022). Musicality of Klopstock's poetry. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 19(4), 692–709. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.403> EDN: HIACHS
- Smith, Carlota S. (2003). *Modes of Discourse: The Local Structure of Text*. Cambridge: University Press.
- Toporov, V. N. (2003). St. Petersburg and “St. Petersburg Text of Russian Literature” (Introduction to the Topic). In *Petersburg text of Russian literature: Selected works* (pp. 7–118). Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ. (In Russ.).

- Vande Kopple, W. J. (1988). Meadiscourse and the recall of modality markers. *Visible Language*, 22(2), 233–272.
- Vidgof, L. M. (2012). “*But I love my curva, Moscow...*” *Osip Mandelstam: poet and city*. Moscow: Astrel Publ. (In Russ.).
- Zyryanov, O. V. (2015). “The River of Time...” as a supertextual formation in Russian poetry of the 19th–20th centuries. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika khudozhestvennykh system*. (3), 87–100. (In Russ.). EDN: VCVPAF

Bio notes:

Irina I. Chumak-Zhun, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya st, Moscow, 117198, Russian Federation. *Research interests*: text, poetic discourse, pragmalinguistics. ORCID: 0000-0001-6790-1418. SPIN-code: 6428-2587. AuthorID: 603186. E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Irina P. Zaitseva, Doctor of Philology, Professor of the Department of World Languages, Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 33 Moskovsky Prospekt, Vitebsk, 210038, Republic of Belarus. *Research interests*: artistic discourse, communicative linguistics and communicative stylistics of literary text, linguistic and cultural problems of translation. ORCID: 0000-0002-4659-0929. SPIN-code: 5964-9507. AuthorID: 947884. E-mail: irinazaj91@mail.ru